

ФЕДОР АБРАМОВ
МОГИЛА НА КРУТОЯРЕ

Рассказ
(фрагмент)

1

Помню деревенское кладбище в жарком сосняке за болотом. Помню мать, судорожно обхватившую песчаный холмик с зеленой щетиной ячменя. Помню покосившийся деревянный столбик с позеленевшим медным распятием и тремя косыми крестами вместо букв...

И однако, не эта, не отцовская могила видится мне, когда я оглядываюсь назад.

Та могила совсем другая.

Красный деревянный столб, красная деревянная звезда, черные буквы по красному:

БЕЛОУСОВ АРХИП МАРТЫНОВИЧ,
ТЫ ОДНА ИЗ ЖЕРТВ КАПИТАЛА!
СПИ СПОКОЙНО,
НАШ ДРУГ И ТОВАРИЩ.

Сколько лет прошло с тех пор, как я впервые прочел эти слова, а они и сейчас торжественным гулом отзываются в моем сердце. И перед глазами встают праздники, те забываемые красные дни, когда вся деревня — и стар и мал — единой сбитой колонной устремлялась к братской могиле на крутояре за церковью. По мокрому снегу, по лужам, спотыкаясь и падая на узкой тропе. И во главе этой колонны — мы, пионерия, полураздетая, полуразутая, вскормленная на тощих харчах первых пятилеток.

Но кто из нас посмел бы застонать, захныкать! Замри, стисни зубы! Ты ведь держишь экзамен. Экзамен на мужество и бесстрашие. Самый важный экзамен в твоей маленькой жизни...

Речь на могиле держал старый партизан.

Коряво, нескладно говорил он. И я ничего не помню сейчас, кроме его выкриков: «Смерть буржуазной гидре!», «Да здравствует мировой пожар Октября!» Но тогда... Как будоражили тогда эти выкрики ребячью душу!

Не было солнца, валил мокрый снег или хлестал дождь — в наших местах редко бывает тепло в октябрьские и майские праздники, — а мы стояли не шелохнувшись. Мы стояли обнажив головы. Как взрослые. И мы не замечали ни мокрого снега, ни дождя. Нам сияло свое солнце — красная могила, осененная приспущенными знаменами. Не нынешними пышными бархатными полотнищами, расшитыми сверкающим золотом, а теми забытыми — узенькими полосками дешевого красного ситца, прикрепленными к некрашеному дереву.

Митинг завершился пением Интернационала. А после Интернационала самое восхитительное для нас, ребят, — салют. Салют из дробовиков и наганов.

И, вздрагивая от грохота, всматриваясь восторженными глазами в распластавшийся дым над головой, мы, казалось, воочию переносились в те далекие вихревые годы, вместе с Архипом Белоусовым скакали в атаку...

Дома, едва переступив порог, я залезал на печь.

В щелях потрескивали тараканы. Ругалась мать, укрывая меня овчинным полушубком и растирая мои заледеневшие ноги. Но я был счастлив. Во мне звучала музыка революции. И мысленно я видел Архипа Белоусова, не живого и не мертвого, а эдакого былинного богатыря, на время заснувшего в своей могиле. И весь он с головы до пят покрыт знаменами, и красное сияние исходит от тех знамен, бьет мне в глаза...

...

© Абрамов Ф.А., правообладатели

Источник публикации: Могила на крутояре : рассказ // Деревянные кони: повести и рассказы. — Л., 1972. - С. 147-158